

Эдуард КОЧЕРГИН

КТО ТЫ ТАКОЙ, БОРИС РАВЕНСКИХ?

Талантливейшее порождение совдепии с замесом всего того, что можно представить: бывший лютый комсомолец, строитель социализма, ряженный в тельник гармонист, дипломированный печник, энтузиаст-трамовец, вынесший многое из этого формалистического полупрофессионального театра рабочей молодежи, студент-режиссер Ленинградского театрального техникума, из которого по везению-хотению попадает в театр великого мастера – Мейерхольда. После трехлетнего прокрута в нем этот дерзкий тип, верующий в божественное начало в человеке, пропартайский атеист, становится единственным режиссером, усвоившим практические методы мастера в этой загадочной профессии.

Оформил я для Бориса Ивановича всего один спектакль «Возвращение на круги своя» замечательного писателя и драматурга Иона Друцэ, но память об этом неординарном человеке осталась со мною на всю жизнь. А повязал он меня с собою случайно, в 1976 году. Будучи в Питере на гастролях, пошел во Дворец искусств обедать. В тамошних залах

в ту пору открылась моя выставка. Он на нее зашел, посмотрел и, как сам потом говорил: «Во мне что-то екнуло: он!». Познакомились, поговорили, причем в середине разговора он, вдруг несколько раздувшись, прервал меня вопросом: «Художник, ты почему со мной так свободно, на равных разговариваешь?». Во, думаю, сразу на вшивость берет. Видать, начальник с тараканами. «А как же с вами по-другому разговаривать? Встать на колени что ли? На коленях говорить не приучен. Шестеркою не стану, а ежели вы хотите во мне иметь партнера – пожалуйста». После этих слов он неожиданно подобрел ко мне. «А ты и вправду меня не боишься?» – «А почему я должен вас бояться? Вы что, букан или цербер, да и церберов я в гробу видел!» – «Смотри, я ведь курский соловей-разбойник!» – «А я воспитанник сибирских разбойников». После такой «фольклорной» перепалки мы с ним сошлись. Он оставил мне пьесу Иона Друцэ.

Русский тип со всеми кандыбасами прищипи нам: стихийный, чрезмерный,

Кадры из телепередачи
«Монолог режиссера»

непредсказуемый, многоликий хитрован, гоняющий чертиков с собственных плеч, с невозможным капризным характером. Вместе с тем человек с повышенной совестливостью и чувством национальной принадлежности и любви к России.

Следующая наша встреча состоялась в Москве. В Малый я ехал уже просвещенным. Разные театральные источники меня просветили – Равенских большой хам, гоняет чертиков, провоцирует. Его кабинет в Малом театре именуется «хатой хама». Эти сведения меня несколько напрягли, но как ни странно, вызвали еще больший интерес к этому режиссеру.

Из его работ я видел только один спектакль. Зато самый знаменитый – «Власть тьмы» Льва Николаевича Толстого. В годы моего студенчества Малый театр привозил его к нам в Питер. Помню, что на него была большая проблема попасть. Спектакль произвел на меня колоссальное впечатление по всем ипостасям. Самая мрачная пьеса русского репертуара была поставлена так, что от спектакля оставалось впечатление светлого простора. Соединение несоединимого – света, распахнутого мира, неба – с мрачайшими сторонами жизни – все это потрясало.

Запомнился, конечно, Ильинский, гениально сыгравший Акима – вестника божественной души. Филигранно разработаны были все

актерские роли. Потрясающая сцена покаяния, блестяще сыгранная Дорониным.

И еще по тому времени поражаало, что такой спектакль-покаяние с героем Акимом – носителем христианской истины, был поставлен в самом официозном театре Союза. Шел он там 25 лет. Интересно, что про «Власть тьмы» знатные театроведы утверждали, что ни в одном театре, за всю историю существования пьесы, ни одного хорошего спектакля не получалось.

Остановили меня в гостинице «Метрополь», что против театра. Приехал я, чтобы познакомиться со сценой, заключить договор с театром и, главное, оговорить пьесу с Борисом Ивановичем. «Возвращение на круги своя» мне понравилось. Пьеса была по мне.

Притопал я в Малый. У военизированной охраны встретил меня студент или стажер Равенских, и сложнейшими путями провел в репетиционный зал. В зале перед началом репетиции Борис Иванович, не поздоровавшись, сразу представил меня артистам и вдруг, неожиданно повернувшись ко мне, несколько картинно, сказал: «Вот ты – художник Товстоногова, ты сможешь сделать такую декорацию, в которой мог бы умереть великий русский человек – Лев Николаевич Толстой.

Б. Равенских. 1970-е годы

Я перед всеми тебя спрашиваю. Ну-ка, по-пробуй, художник Товстоногова». Сказал, как ушат с водой на меня опрокинул. Я, конечно, опешил, застыл даже на время. В голове моей прокрутилось всякое-якое – нелепость вроде какая-то – декорация и смерть Толстого. Не в декорации он умирал, а в пространстве. Ежели так, то он, режиссер, задает мне колоссальную задачу – скомпоновать воздух на сцене вокруг умирающего гениального, не просто писателя, а русского человека Льва Толстого.

Все, мне уже ничего не надо говорить, как художнику спектакля. Он, Равенских, уже меня напугал, и я с испугу ответил ему прямо на людях: «Чего нам с вами придумывать, когда сам Толстой все решил, завещая похоронить себя на поляне, окаймленной деревьями. Из его желания и надо исходить». – «Стоп, стоп, художник, не говори ничего более. Лучше мы с тобой после репетиции побалаяаем».

Славянский шаман с Курской магнитной аномалии, ставший самым аномальным режиссером великой ЭСЭСЭРии. Мятущийся типарь – художник, которого зашкаливало на близких ему коренных идеях.

Человек я интуитивный, людей поначалу чувствую, затем соотноблю про них что-либо. С Борисом Ивановичем сошелся быстро, хотя он провоцировал меня не однажды, как впрочем, многих других. Но я на это не реагировал. Провокаторов я в своей биографии имел настоящих, а он просто пацанил. Главное, что он знает, чего хочет, и владеет неожиданно точной концепцией пьесы и образа Толстого. Поставленная им передо мной задача – замечательная. Она может служить примером, как должен работать режиссер с художником.

С окончанием репетиции меня привели в какую-то небольшую комнатуху, заваленную бумагами, книгами, одеждой. Если память мне не изменяет, то в торцевой стене, за занавескою, находилась раковина. В ту пору он уже не был главным Малого, но остался в нем служить очередным режиссером. Комната эта служила обиталищем Бориса Ивановича в театре. Подойдя к столу, он разгреб его, освободив столешницу от каких-то бумаг, пьес, писаний, вынул затем из кармана брюк платок, протер

стол тщательным образом и пошел мыть руки. Мыл он их долго. Я огляделся – на полу стояло множество бутылок из-под минералки – полезный реквизит, подумал я, за неимением бумаги и карандашей, в суতোлке оставленных мною в гардеробе. Стажер, сдав меня Равенских, смылся, а без него путь в гардероб я, по первости, не найду.

Вернувшись, Борис Иванович сел напротив за стол и упершись глазами в меня спросил: «Ты сам-то видел деревья над могилой Толстого вечером, утром, днем? Они из земли вырастают, а сама Ясная Поляна в землю уходит. Ты про это думал?» – «Да, видел и думал». В дальнейшем разговоре о пространстве Льва Николаевича помогли бутылки. Я поднял их с пола и поставил перед ним на столе полукругом, как бы окантовав поляну, имитируя деревья. В нашем воображении возник округлый храм, напоминающий радиальные церкви времен русского классицизма, в народе именуемые «куличами». Он включился в игру, стал фантазировать, представляя храмовое пространство, объединяющее дом, дворянскую усадьбу, храм, мир, природу. И, успокоившись, согласился, что в таком пространстве можно будет ставить притчу Иона Друцэ о великом русском человеке – Толстом. После чего стал торопить меня, чтобы я быстрее ехал в Питер и срочно лудил эскизы, выгородку, макет и все остальное по этой идее.

Провидение шатануло его на театр и не ошиблось. Этот крестьянский пацан, гармонист, в своем отрочестве – коллекционер самых красивых деревенских петухов, стал режиссером русской народной стихии. Всю жизнь свою искал правду страстей, чаяний, правду человеческой души.

Наша третья встреча опять произошла в Питере. Он приехал, чтобы принять эскизы декорации и тщательно сделанную масштабную выгородку. Окончательно оговорить костюмы с художником по костюмам Инной Габай, моей женой, и решить все проблемы реквизита и обстановки. Приехав к нам, объявил мне с упреком, что первый раз в жизни сам приезжает к художнику. И такого ранее он себе не позволял. «Ты наверное колдун, Эдуард».

До прибытия Равенских мы не разгибаясь работали не только над «Возвращением», но и над очередным спектаклем БДТ. Напряженка была невероятная. Пришлось мало спать. Борис Иванович, естественно, перед тем как попасть к нам в макетную, посетил Георгия Александровича Товстоногова, прекрасно к нему относившегося. Короче, шел он к нам долго, и Инна, не выдержав ожидания, уснула на диване, стоявшем как раз против двери. Борис Иванович, открыв дверь макетной, поначалу опешил от такой встречи знатного

Эскиз к спектаклю «Возвращение на круги своя» по пьесе И. Друцэ.
Художник Э. Кочергин

работодателя, и стал сгонять чертиков с плеч, но, увидев разложенные на верстаках эскизы костюмов и готовый макет, смилоствился, сообразив в чем дело. Мое решение Друцэ в картоне он принял без возражений, оговорив подробно всю немногочисленную обстановку. На подсвеченной выгородке он понял, как интерьерные картины превращаются в экстерьерные.

По окончании работы в макетной мы с ним подружились, и он при мне уже никогда не сгоял чертиков со своих плеч. Уходя, попросил меня обязательно хорошо прорисовать люстру-паникадило, висевшую в выгородке дома-храма на православном кресте. Интересно, что эта идея его, партийного человека, сильно волновала и нравилась.

Сотрясатель устоев, шалый пацан с крестьянским носом. Неприличный в советском истеблишменте народный тип. Бунтовщик, возмутитель спокойствия.

Настал день, когда мы с Инной Габай, с замечательно исполненным моим другом, Михаилом Гавриловичем Николаевым, макетом, с эскизами декораций и костюмов, прибыли в Малый на судилище их Высочайшего Художественного Совета.

В макетной Малого мы смонтировали наше детище и с помощью местных осветителей выставили свет. Борис Иванович несколько раз заглядывал в макетную, видать все-таки беспокоился. Мне было легче, я напрочь не знал закулисных раскладов и повадок академических худсоветовских удавов. Вошли они в макетную почти все разом, как из какого-то отстойника. Я, кроме Игоря Ильинского и Царева, никого из них не знал. Насколько мне было известно, Борис Иванович заранее тщательно готовился к акции – сдаче макета, но снова все внезапно поломал по своей всегдашней непредсказуемости. И в самом начале заседания, в полной тишине, перед народными-разнородными театральными генералами произнес никем нежданную несусветность. Я процитирую свидетеля тех событий, его замечательного ученика Юрия Иоффе. «Дорогие члены художественного совета, я хочу представить вам художника от Товстоногова». Через паузу. «Что сказать вам об этом художнике? Эдуард Кочергин, это такой художник, который (снова пауза), который даже в заднице у верблюда увидит семь радуг». И сел. Орденоносцы растерялись, академизм был разрушен. Никто не знал, как реагировать. Все уперлись в макет, открытый Юрой Иоффе, только Игорь Ильинский хохотал. В результате все скопом решили, под смех Ильинского, что, действительно, Равенских сказал что-то очень

образное. Возражения были, но макет все-таки приняли.

Работа над нашим «Возвращением» длилась два года. Великому Ильинскому было под восемьдесят, и он почти ослеп, но не покидал спектакля. «Шлифовал каждый жест, каждую реплику», – вспоминал Ион Друцэ. А Равенских – этот «бунтовщик, возмутитель спокойствия» поставил великий спектакль как очередной режиссер, снятый с главного, стоптанный царевской камарильей. Оставшись в Малом, снова сделал шедевр на фоне собственной катастрофы. Спектакль-монолог, спектакль-исповедь великого русского человека, спектакль о жизни и смерти, о таинстве человеческой жизни, о необходимости оберегать это таинство. «Стояла ранняя весна. Спектакль был захватывающим. Над Ильинским в роли Толстого висел нимб», – вспоминает И. Друцэ.

Художественный совет, принимавший «Возвращение на круги своя», как заметил тот же Друцэ, «проходил на Страстной неделе в Великую пятницу, в день распятия Спасителя. Шел сначала туго. Вел художественный совет Михаил Иванович Царев, вел заседание осторожно, непредвзято, но те, которым он давал слово, не оставляли камня на камне от нашего детища». «Эмигрантская вылазка, толстовство в чистом виде, попытка христианской проповеди, против которой наша коммунистическая партия» и т.д.

Приняли «Возвращение» чудом, благодаря смелости самого автора – Друцэ, который напрямик спросил царедворца: «Михаил Иванович, а вы-то сами за или против спектакля?» – «Я то... я... конечно... за». «Художник в нем победил дипломата, что случалось крайне редко. Стена за нашей спиной рухнула. Слава Богу, работа наша будет жить».

Спектакль вышел и имел громадный успех. «Такой пронзительной тишины я не помнил. Зал сидел три часа не шелохнувшись». (И. Друцэ) «Надо же, просто чудо какое-то, вошли в театр, а выходим так, как будто побывали на службе в храме». Я снова цитирую И. Друцэ, услышавшего этот отзыв от безымянных зрительниц.

Через день Борис Иванович и его жена, замечательная актриса Малого театра, Галина

Лица

ВМ

Сцена из спектакля. Г. Кирюшина – Александра,
И. Ильинский – Лев Толстой

Б. Равенских и И. Ильинский на репетиции
спектакля «Возвращение на круги своя»

На поклонах после спектакля

Александровна Кирюшина, пригласили меня с Инной в ресторан. Первый тост, который поднял наш режиссер-потрясователь – тост за спящую в питерской макетной Инну. В его неожиданном тосте был добрый юмор и человеческое тепло.

Равенских, по окончании работы с ним, стал для меня близким человеком. Видимо, и я пришелся ему по душе. Там же, в ресторане, он сказал мне: «Жаль, что мы так поздно встретились». К концу трапезы он опять наступил на меня: «Слушай, Эдуард, а почему я с тобой так много пью? А? Я ведь давно ничего не пил – ты что, опять колдуешь на меня?». – «Нет, Борис Иванович, думаю, что вам покойно со мной, вы раскрепостились после боя за свою житуху в театре. Вы снова победили. За победу, за вашу победу, Борис Иванович!»

«Возвращение на круги своя» – спектакль-реквием, прощание с жизнью не только Л. Толстого, но, к сожалению, и нашего режиссера – Бориса Равенских.

Лев Николаевич в исполнении И. Ильинского в постановке Равенских умирает стоя, с последними словами: «Вот и конец... И ничего... КАК ПРОСТО И КАК ХОРОШО...». Луч на лице, уменьшаясь, постепенно гаснет и Толстой уходит в вечность.

Умер Борис Иванович Равенских через год после премьеры «Возвращения», умер так же, как Толстой в спектакле – стоя на лестничной площадке своего дома, подле лифта. Умер мгновенно, не успев понять, что умирает – упал на руки своего ученика, провожавшего его после занятий в институте, с бумагой в одном кармане куртки, разрешающей ему с учениками открыть свой театр, а в другом кармане находилось «словоблудие» Леонида Брежнева «Целина», над которой режиссер невозможно ломался последнее время, чтобы спастись и отомстить орденоносцам за собственное погружение. Воистину, у нас в России – «судьба индейка, а жизнь копейка».

Когда хоронили Бориса Ивановича на Новодевичьем кладбище, кто-то из присутствующих сказал: «Мизансцена, увиденная первоначально в спектакле, повторяется наяву». Над могилой Равенских, из стен кладбищенской ограды, выросли голые, черные

ветки деревьев, точно так же, как в декорации «Возвращения на круги своя».

Прямо какая-то мистика.

P.S. Я написал о Борисе Равенских в своей книге «Записки планшетной крысы», так как он, колыхатель «планшетных основ», при кажущемся совдепийстве был настоящим художником, не работавшим только на систему, а служившим истине и искусству. Упрекать его в делании спектаклей на государство – чистоплюйство и грех. А Завадский, Эфрос, Товстоногов, Охлопков, наконец сам Мейерхольд, что работали под диван, а не на государство? В те времена все работали на государство. Нонконформизм мог быть в живописи. Выставки можно делать и по квартирам, а спектакли – попробуйте!

Все гораздо проще – есть вещи подлинные, левые, есть вещи настоящие, правые, а есть не подлинные и не настоящие, ни те, ни другие.

Такие спектакли, как «Власть тьмы», «Возвращение на круги своя» – подлинное явление в русской культуре, а левые они или правые – какая разница перед жизнью и смертью.